

Чжоу Хань склонился к Чжоу Юю и прошептал, что прибыл Сунь Цэ. Чжоу Юй перестал играть на цине, поднялся и уже собирался откланяться. Госпожа Сунь остановилась его: Юй-эр, не спеши. Дай и нашему Це-эру послушать, это поистине небесная музыка.

Заметив, что Чжоу Юй при его появлении собрался уходить, Сунь Цэ слегка изогнул губы. Отлично, провоцируешь меня. Пока Сунь Цэ в уме прикидывал, как бы проучить Чжоу Юя, тот ответил госпоже Сунь: У меня еще не прошел недуг, боюсь, оставаясь здесь, я побеспокою госпожу.

Госпожа Сунь улыбнулась: Ах, мой Юй-эр всегда такой рассудительный и послушный. Эй, кто-нибудь, принесите мою цинь по имени Слушающая дождь. Это была семейная реликвия, уникальный инструмент, корпус которого, по преданию, был изготовлен из древесины священного дерева эпохи Цинь и Хань.

Это дерево использовали девушки во время праздника Цицяо, чтобы вешать на него записки с молитвами о счастливом браке. А та, кто изготовила из него цинь, была брошена возлюбленным и покончила с собой, после чего её похоронили прямо под тем самым деревом. Бесценный инструмент за долгие годы войн переходил из рук в руки, пока один мастер игры на музыкальных инструментах времен Поздней Хань не дал ему название — Слушающая дождь.

Говорили, что звуки этой цини словно овевают балки дворца, не умолкая, и побуждают влюбленных еще сильнее дорожить друг другом. Юй-эр, возьми эту цинь себе, я уже стара, мне она ни к чему.

Чжоу Юй поспешно отвесил поклон в знак благодарности. Госпожа Сунь с удовлетворением улыбнулась и произнесла, обращаясь к Сунь Цэ: Це-эр, по моему мнению, Юй-эр в будущем станет для тебя верной опорой в великих делах.

Сунь Цэ не упустил случая съязвить: Но Гунцзинь так холоден со мной, говорит, что в будущем будет видеть во мне лишь своего господина. Лицо госпожи Сунь помрачнело, она спросила: Юй-эр, неужели ты сказал нечто столь отстраненное? Это правда?

Чжоу Юй поспешно ответил: Я не верю, что мог произнести такие глупости.

Сунь Цэ был поражен: за те несколько дней, что он был занят военными делами, Чжоу Юй стал таким искушенным и хитроумным. Однако госпожа Сунь заметно смягчилась и с доброй усмешкой произнесла: Юй-эр, Це-эр просто несмышленный, будь к нему снисходительнее. Ты ведь единственный, кем он по-настоящему дорожит.

Чжоу Юй с легкой улыбкой пояснил: С юных лет мы с господином стали братьями, и даже если возникают разногласия, они исчезают в одно мгновение. Такие мелочи не заставят меня отдалиться от Бофу. Если я и сказал что-то подобное, то лишь в бреду от болезни. Более того, госпожа относится ко мне как к родному сыну, как я могу быть неверным или несыновним? Я клянусь отдать жизнь за семью Сунь. Он ударился лбом в пол, но на его лице застыло мрачное выражение.

Госпожа Сунь радостно подняла Чжоу Юя и сказала: Юй-эр, я принимаю тебя как приемного сына, теперь Це-эр точно не посмеет тебя обидеть. Считай поместье Сунь своим домом. Затем она обратилась к слугам: Мой приказ: отныне к Гунцзиню из клана Чжоу обращаться как к молодому господину. Слуги хором ответили: Слушаемся.

Когда Чжоу Юй ушел, Сунь Цэ поспешил следом. Как только они отделились от покоев госпожи Сунь, он крикнул: Чжоу Юй, а ну стоять! Чжоу Юй, словно не слыша, продолжал идти вперед. Чжоу Хань, следуя за своим господином, тоже притворился, что ничего не слышит.

Сунь Цэ, и без того кипевший от ярости, видя такое поведение Чжоу Юя, без лишних слов нагнал его быстрым шагом и схватил за руку. Он хотел проявить силу, но перестарался: одежда Чжоу Юя слегка сползла, обнажив правое плечо. Его изящная ключица выглядела соблазнительно, а белая нежная кожа на солнце казалась почти ослепительной. Сунь Цэ надолго замер, забыв о своем гневе и о том, что собирался сказать.

Увидев, что Чжоу Юй стоит с бесстрастным и даже безразличным выражением лица, Сунь Цэ смущенно помог ему поправить одежду. Чжоу Юй спросил: У господина есть важное дело для обсуждения с подчиненным?

Видя, что Чжоу Юй не дает ему пути к отступлению, Сунь Цэ потерял терпение. Раз так, пусть будет эта неловкость — посмотрим, кто выдержит дольше. Сунь Цэ холодно бросил: Я уже уладил вопросы с провизией и войсками, выступаем завтра. Великому дуду следует подготовиться.

Сказав это, Сунь Цэ в гневе удалился. Чжоу Юй надул губки и тихо прошептал Чжоу Ханю: Посмотри на него. Это он первым не ставит меня ни во что, а теперь еще и считает, что во всем прав.

Чжоу Хань с трудом сдержал смех: Молодой господин, долго ли вы еще собираетесь дуться на господина? Если вы его по-настоящему разозлите, не обернется ли это против вас?

Чжоу Юй посмотрел вслед Сунь Цэ и многозначительно улыбнулся: Не волнуйся, у меня хватит способов заставить его думать обо мне.

На следующее утро, простившись с госпожой, Сунь Цэ и Чжоу Юй взошли на корабли Армии семьи Сунь и направились на север, начав поход. Сунь Цэ не терпелось отомстить за смерть отца, он уже строил планы, как вырезать город.

Затрубили рога, паруса наполнились ветром. Сунь Цэ стоял на палубе, глядя вдаль. Казалось бы, в этот момент он должен думать об отце, но улыбка Чжоу Юя никак не выходила у него из головы. Сунь Цэ раздраженно взлохматил свои короткие волосы. Но если подумать на холодную голову: почему этот человек волнует его, словно какая-то соблазнительная красавица? Неужели его действительно тянет к мужчинам... Это же совершенно непристойно! Как же так?

Господин, соблюдайте приличия.

Лу Су, стоявший позади, сухо кашлянул и поклонился: Приветствую господина.

Услышав, что это не голос Чжоу Юя, Сунь Цэ испытал легкое разочарование и, обернувшись, прямо спросил: Где Гунцзинь?

Лу Су поспешно ответил: Господин, Великий дуду не взошел на ваш корабль, говорит, боится заразить вас простудой.

Сунь Цэ пришел в ярость, в его глазах полыхнул огонь, он крикнул: Он лжет! Он просто идет мне наперекор... Лу Су поспешно склонил голову, прикрывая лицо сложенными в приветствии руками, и сделал вид, что ничего не слышит. Поняв, что чуть не проговорился, Сунь Цэ кашлянул и сказал: Ладно.

Тем вечером небо было усыпано звездами, лунный свет был восхитителен. Чжоу Юй попросил Чжоу Ханя проводить его на палубу, чтобы поиграть на цине. Чжоу Хань подшутил над ним: Господин, не притворяйтесь, разве вы не боитесь, что вас унесет ветром?

Чжоу Юй сверкнул на него глазами: А то, что в каюте душно — это не считается?

Чтобы привлечь внимание Сунь Цэ и заставить его ценить себя, Чжоу Юй своей игрой на цине намеренно вызывал у Сунь Цэ раздражение. Слушая вдохновенную мелодию, воины на соседних кораблях поднимали кубки, боевой дух заметно вырос. Лишь у Сунь Цэ было скверное настроение. На всех судах пели и плясали, и только он, надувшись, смотрел на корабль неподалеку. Чжоу Юй мог играть для других, но полностью игнорировал его. От этой мысли Сунь Цэ не мог проглотить ни куска и в гневе пнул поднос с едой, поданный слугой.

Лу Су, наблюдая за этим, пока бедные слуги раз за разом приводили палубу в порядок, не выдержал и спросил: Между господином и Гунцзинем возникли разногласия?

Сунь Цэ бросил на него взгляд, с шумом втянул воздух и выдохнул: Не ваше дело. А у этих людей и правда хватает наглости спрашивать о чем угодно?

Лу Су склонился в поклоне: Господин, не гневайтесь. Раз это касается вас и Гунцзиня, я вынужден рискнуть жизнью ради совета.

Не нужно умирать, говори скорее, — нетерпеливо взмахнул рукой Сунь Цэ.

Лу Су выпрямился: Однажды, докладывая о военных делах, я случайно увидел, как нетрезвый господин хотел заставить Гунцзиня прислуживать себе.

Сунь Цэ слегка смутился и отвел взгляд. Лу Су продолжил: Тогда я посоветовал Гунцзиню не выходить за рамки дозволенного.

Услышав это, Сунь Цэ сохранил невозмутимость. Лу Су добавил: Я посоветовал ему, что, хотя долг правителя и подданного священен, узы братства глубоки, и их достаточно просто поддерживать.

Видя, что Сунь Цэ по-прежнему молчит, Лу Су набрался смелости и перешел к главному: Мы с Гунцзинем вместе учились в юности, он всегда был одиночкой, слово отчужденность словно стало частью него. Я никогда не видел, чтобы он был с кем-то столь близок. Мы не виделись несколько месяцев, и сегодня, встретив его, я заметил, что он сильно похудел. Он сказал мне: а что, если поддерживать эти узы больше невозможно? Я не успел ответить, как он с горькой усмешкой велел мне взойти на корабль господина, а сам отправился на другой.

Сунь Цэ обдумывал услышанное и жестом велел продолжать. Лу Су сказал: В душе я понимаю, что это вовсе не значит, что Гунцзинь предал господина, боюсь, это...

Сунь Цэ вспыхнул: Значит, ты хочешь сказать, что это я предал его? Лу Су поспешно ответил: Это господин сам сказал, я не произнес ни слова.

Сунь Цэ был в ярости, не зная, что ответить, но вдруг разразился диким смехом: Хорошо, хорошо, хорошо! Продолжай. Лу Су, опасаясь, что в следующую секунду его бросят на съедение рыбам, молчал, пока Сунь Цэ не рявкнул: Говори, ну же!

Лу Су испуганно выпалил: Я не хочу, чтобы господин и Гунцзинь целыми днями терзались от тоски, поэтому и решился на этот разговор, надеюсь на ваше понимание.

Лу Су заранее подготовил почву, и Сунь Цэ, коварно улыбнувшись, сказал: Ладно, что бы ты ни сказал, я тебя не убью. Но если сегодня ты не решишь эту проблему, я прикажу сбросить тебя в воду.

Сунь Цэ взглянул на бушующие волны за бортом, а затем на дрожащего от страха Лу Су. Тот в ужасе подумал: Так и знал, что ты хочешь меня сбросить.

Сунь Цэ устремил взгляд вдаль, речной ветер свистел в ушах. Он грациозно поправил прядь волос, которая снова затрепетала на ветру, и медленно заговорил: Цзыцзин, после смерти покойного отца мне стало не с кем поделиться сокровенным. Гунцзинь... он не просто умен, он мой верный брат, с которым у нас общие стремления. Я... должен сказать... я немного боюсь, что если стану недостаточно силен, он уйдет от меня. Я не знаю, каким он видит идеального правителя? Одобряет ли он мои амбиции? Когда я намекнул, что хочу оставить его при себе, он сильно пнул меня. Что ты об этом думаешь?

Лу Су услышал про пинок и подумал, что это, конечно, возмутительно, но, зная характер Сунь Цэ, можно было понять, что Гунцзинь просто не сдержался от гнева. Лу Су проглотил слова о

том, что господин это заслужил, и спросил: А что предпринял господин?

Сунь Цэ размял шею и плечи: Не знаю. Хорошо я к нему отношусь или плохо, он становится только холоднее. Теперь он не говорит со мной ни слова.

Лу Су усомнился, не заполнена ли голова Сунь Цэ водами Янцзы. Неужели ему так важно заполучить таланты Чжоу Юя, чтобы тот подчинился, и при этом сохранить братскую дружбу, боясь, что Чжоу Юй все поймет? И при всех своих подлых мыслях еще обвиняет Чжоу Юя в неуважении!

Лу Су захотелось поколотить Сунь Цэ, но он не мог — не победит. Лу Су сказал: Господин, раз у Гунцзиня есть узел на сердце, его нужно развязать, а не создавать новые.

Сунь Цэ нахмурился: И что же, по-твоему, мне делать?

Лу Су подумал: Откуда мне знать? Я ведь не Гунцзинь.

Лу Су начал выдумывать: Господину следует отбросить позу правителя и проявить инициативу. А что касается признания достоинств Гунцзиня, об этом стоит сказать прямо. Если господин не объяснится, Гунцзинь будет еще больше неправильно истолковывать ваши намерения.

Сунь Цэ счел это разумным и рассмеялся: Хорошо, так и сделаем. Но...

Улыбка исчезла, лицо стало холодным: Если это не подействует на Гунцзиня, ты сам отправишься в воду проверить, насколько она глубока.

Лу Су поспешно и с трепетом поклонился: Слушаюсь.

Вдруг забили боевые барабаны. Кто-то напал на корабли Армии семьи Сунь: морские разбойники решили поживиться на огромном флоте. Их первой целью стал корабль Чжоу Юя — они подожгли его, надеясь захватить провизию. Корабль объяло пламенем, он начал тонуть. Несколько солдат уже были убиты и сброшены в воду. Остальные корабли спешили на помощь, но не было уверенности, что они успеют.

Лу Су метался как муравей на раскаленной сковороде, не зная, как командовать. Сунь Цэ увидел, что это корабль Чжоу Юя: тот вместе с Чжоу Ханем обнажил мечи, готовясь к битве с разбойниками. Сунь Цэ охватила паника, он не мог дожидаться, пока его корабль подойдет ближе.

Внезапно Сунь Цэ изо всех сил прыгнул с борта на соседний корабль — расстояние в восемь чи он преодолел одним прыжком. Оказавшись на палубе, он взобрался на мачту, ухватился за снасти, раскачался и снова прыгнул. Лу Су и солдаты в тревоге вскрикнули: Господин, осторожнее!

К счастью, Сунь Цэ схватился за стальной трос у мачты следующего корабля, но при резком рывке грубый металл разрезал ему ладони. Кровь капнула на палубу, но Сунь Цэ не обратил на это внимания и бросился дальше. Перепрыгнув через три корабля, он наконец добрался до того, что был ближе всего к Чжоу Юю — из-за огненных стрел разбойников другие суда не могли подойти.

Сунь Цэ, не слушая уговоров солдат, со все еще кровоточащими руками продолжал путь и прыгнул на корабль. В этот момент Чжоу Юй поднял голову и увидел Сунь Цэ в окровавленном алом плаще. В лучах лунного света и пожара он выглядел таким величественным и прекрасным, что взгляд его глаз, скрытых за соболиными бровями, пронзил тело Чжоу Юя, словно копье. Чжоу Юй почувствовал, что взгляд Сунь Цэ готов поглотить его целиком.

Увидев, что Чжоу Юй, окруженный разбойниками, невозмутимо отбивается мечом, Сунь Цэ испытал странную гордость: внешне мягкий, внутри он был тверд как сталь. Когда их взгляды встретились, в глазах Чжоу Юя промелькнуло удивление и легкая грусть. В сердце Сунь Цэ поднялось необъяснимое наслаждение: это прекрасное печальное лицо грустит из-за него!

Сунь Цэ на лету схватил разбойника за горло, тот тут же испустил дух, а Сунь Цэ выхватил его оружие и перебил еще нескольких врагов. Разбойники в страхе отступили. Сунь Цэ подбежал к Чжоу Юю и спросил: Гунцзинь, ты ранен?

Чжоу Юй увидел, что с рук Сунь Цэ капает кровь — должно быть, поранился о трос, — и нахмурил брови, ничего не ответив. Чжоу Хань чувствовал себя неловко, зажатый между ними, и думал: Если вам так хочется смотреть друг на друга, почему вы не можете делать это, не загораживая меня...

Разбойники снова окружили их, и Сунь Цэ вместе с Чжоу Юем, объединив усилия, а затем и подоспевшие солдаты Армии семьи Сунь, отбросили их.

Чжоу Юй был немного ранен и, преодолевая боль, опустился на одно колено, опираясь на меч. Сунь Цэ остался невредим — не зря его звали Маленьким завоевателем Цзяндуна. Видя, что Чжоу Юй ранен, он, не обращая внимания на протесты, взвалил его на плечо и понес в каюту. Чжоу Юй яростно сопротивлялся, Чжоу Хань велел солдатам перестать глазеть и возвращаться на свои корабли.

У Чжоу Юя не осталось сил, и он начал тихо бранить Сунь Цэ: Господин нарушает правила поведения правителя и подданного, мир будет презирать вас! Сунь Цэ игнорировал брань и, не ослабляя хватки, донес его до каюты.

Внутри Сунь Цэ бережно уложил Чжоу Юя на кровать и принялся рыться в ящиках в поисках бинтов и порошка. Видя, что у Сунь Цэ мрачное лицо, Чжоу Юй испугался и отвел взгляд, но продолжал ругаться: Бесстыдство! Чем ты отличаешься от зверя? Похоже, сегодня Чжоу Юй был полон решимости умереть, но не покориться Сунь Цэ.

Сунь Цэ хранил молчание. Поняв, что ни угрозы, ни уговоры не действуют, Чжоу Юй сдался и

позволил обработать раны. Когда все было закончено, он тихо произнес: Благодарю, господин.

Сунь Цэ прыснул со смеху: А как же твое недавнее обзывательство зверем? Чжоу Юй промолчал. Сунь Цэ, смертельно устав, не стал продолжать разговор, снял военный халат и лег рядом с Чжоу Юем, собираясь отдохнуть.

Кто бы мог подумать, что Чжоу Юй с тревогой взглянет на него и холодно произнесет: Господин, к чему этот позор для подчиненного?

Сунь Цэ нетерпеливо встал, схватил Чжоу Юя за руки, которыми тот сопротивлялся, прижал ногами его ноги, которыми тот пытался лягаться, и, глядя сверху вниз, спросил: А ну говори, почему это я не соблюдаю приличий?

Чжоу Юй замер, а затем с негодованием воскликнул: Если господин будет проявлять чрезмерную близость на глазах у других, разве это не вызовет пересудов? Прошу, соблюдайте нормы правителя и подданного.

Сунь Цэ с интересом посмотрел на него и вдруг насмешливо произнес: Гунцзинь, а ведь я и есть тот самый развратник.

Сказав это, он наклонился и медленно приблизился к Чжоу Юю. Тот от неожиданности снова пнул его, на этот раз попав в самое чувствительное место. Сунь Цэ схватился за пах, согнулся в три погибели и взревел: Чжоу Гунцзинь, ты!

Чжоу Юй застыл, не смея пошевелиться. Взгляд Сунь Цэ внезапно стал холодным, он пришел в ярость от непокорности и, решив принудить его силой, вскочил и потянулся к одежде Чжоу Юя, намереваясь сорвать её.

Чжоу Юй отчаянно сопротивлялся и со слезами в голосе крикнул: Убей меня! Даруй мне быструю смерть!

Сунь Цэ остановился. Наступила долгая тишина. Чжоу Юй боялся дышать. С характером Сунь Цэ, если кто-то постоянно шел ему наперекор, приказ о казни был вполне вероятен.

Чжоу Юй робко проговорил: Я не лишен чувств, но если господин хочет уподобиться правителю Чжоу и искать лишь плотских утех, то я не смею ослушаться...

Сунь Цэ понял, что это намек на его распущенность, внезапно схватил Чжоу Юя за подбородок, придвинулся вплотную и яростно прошептал: Чжоу Гунцзинь, лучше лечи свои раны.

Услышав это, Чжоу Юй словно получил удар током — он не смел ни говорить, ни шевелиться. На ладонях Сунь Цэ кровь уже засохла темными полосами.

Сунь Цэ отпустил его, долго смотрел в глаза и снова, взмахнув рукавами, ушел.

Лу Су увидел, как Чжоу Хань с корабля подает ему радостные знаки, что оба в безопасности, и с облегчением ответил тем же. Лу Су выдохнул: теперь не придется прыгать в ледяную реку.

Он вспомнил, как несколько часов назад Чжоу Хань пришел к нему советоваться. Лу Су тогда проворчал: Ну и задолжал же ты мне, Гунцзинь...

Прошла весна, лето, наступила осень. Армия Сунь крушила врагов, Чжоу Юй и Сунь Цэ, действуя сообща, наконец исполнили мечту о мести за отца. На крепостной стене закат казался кроваво-красным от пролитой в городе крови. Сунь Цэ смотрел на трупы и чувствовал облегчение. Он тяжело вздохнул: боль от снов об отце, мучившая его целый год, наконец утихла.

Чжоу Юй молча наблюдал за ним сзади. Сунь Цэ смотрел вдаль и вдруг сказал: Гунцзинь, если заведешь семью, не забывай обо мне. Чжоу Юй проследил за его взглядом — Сунь Цэ смотрел на деревушку, в его глазах светилась нежность.

Чжоу Юй, притворившись, что не понимает, ответил: В Поднебесной смута, А-Це, если ты захочешь уйти в тень, восемь сторон света вряд ли позволят.

Сунь Цэ взглянул на него. В лучах заката в лице Чжоу Юя поубавилось детской невинности и прибавилось искушенности. Сунь Цэ улыбнулся: Гунцзинь, ты не хочешь уходить, твои амбиции куда больше моих.

В этот момент Хань Дань, поднявшийся на стену, чтобы попросить господина закончить любоваться видами и заняться войсками, увидев, как близко стоят Сунь Цэ и Чжоу Юй, едва не свалился обратно. Он поежился: Господин, Гунцзинь, вы что, страдаете пристрастием к коротким рукавам? Постоянно липнете друг к другу, тошно смотреть.

Чжоу Юй обернулся и сверкнул на него глазами. Сунь Цэ рассмеялся: Чего ты поднялся?

Хань Дань, будучи человеком прямолинейным, громко сказал: Господин все любит виды, братья волнуются, вот я и пришел пригласить вас спуститься. А кто же знал, что вы тут с Гунцзинем любовь крутите? Знал бы, не поднимался.

Сунь Цэ рассмеялся: Ладно, ладно, иди давай, проваливай отсюда.

<http://bllate.org/book/22340/2340631>